

## **КАК ПЕРЕЛОМИТЬ СКЛАДЫВАЮЩИЕСЯ НЕГАТИВНЫЕ МАКРОТРЕНДЫ?\***

Вот уже год с лишним динамика ключевых показателей российской экономики остается близкой к нулевой, вызывая как в обществе, так и в коридорах власти нечто похожее на панику. Впрочем, Минэкономразвития России работало довольно бодро и, в частности, представило осенью истекшего года обновленные среднесрочный (до 2016 г.) и долгосрочный (до 2030 г.) прогнозы социально-экономического развития страны<sup>1</sup>. Сам по себе данный факт безусловно заслуживает одобрения, ибо постановка разногоризонтных перспективных ориентиров — исходное условие устойчивого народнохозяйственного прогресса<sup>2</sup>. Обеспечивая последовательность государственной экономической политики, они тем самым способствуют росту частнопредпринимательской активности. Однако (внимание!) так происходит лишь в том случае, если задаваемые ориентиры предполагают активные действия власти в целях мобилизации имеющегося потенциала нации на достижение значимых социально-экономических результатов. Об этом ярко свидетельствует исторический опыт стран-лидеров современного мира (взять «новый курс» Ф. Рузвельта, стратегию послевоенного возрождения Германии и Японии, нынешний рост Китая, опирающийся на последовательно осуществляемую долгосрочную стратегию) и история отечественная — от Петра I до плана ГОЭЛРО и далее. Отвечает ли данному условию сценарий, предложенный Минэкономразвития? На сей счет и хотелось бы прежде всего поразмышлять, чтобы приблизиться к ответу на более общий вопрос, сформулированный в заголовке настоящего текста.

Напомним, что на состоявшемся 31 января 2013 г. на заседании федерального правительства под председательством российского президента рассматривались «Основные направления действий Правительства Российской Федерации на период до 2018 года». В документе, утвержденном по итогам заседания премьер-министром, было записано: «В предстоящий среднесрочный период необходимо обеспечить выход на траекторию устойчивого экономического роста на уровне не менее 5 процентов, провести технологическую модернизацию и модернизацию инфраструктуры, социальных и государственных институтов, отвечающих на вызовы современного мирового развития, сформировать конкурентоспособную и эффективную экономику».

Публикация подготовлена на основе статьи авторов «Почему надо отказаться от демонизации роли государства в экономике» в «Российской газете» от 24 января 2014 г.

<sup>1</sup> См.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2014 год и на плановый период 2015 и 2016 годов ([http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130924\\_5](http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130924_5)) \ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года ([http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108\\_5](http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/prognoz/doc20131108_5)).

<sup>2</sup> Авторы настоящей статьи разделяют пафос и основные соображения по этому поводу, недавно высказанные участниками разработки указанных документов: К л е п а ч А., К у р а н о в Г. Развитие социально-экономического прогнозирования и идеи А.И. Анчишкина // Вопросы экономики. — 2013. — № 8. См. также: к 80-летию со дня рождения А.И. Анчишкина (из публикаций в печати) // Российский экономический журнал. — 2013. — № 5.

ку и на данной основе достичь достойного уровня жизни российских граждан, соответствующего статусу России как одной из ведущих мировых держав XXI века». Одновременно отмечалось: рост в размере двух—трех процентов в год является критически малым, ибо в этом случае «не удастся сбалансировать экономические и социальные составляющие развития страны»<sup>3</sup>. Экспертное сообщество в целом поддержало эти оценки (тем более, что тезис о воспроизводственной императивности минимум пятипроцентного годового прироста ВВП для России давно исходит от значительной части авторитетных ученых), и дискуссии развернулись лишь по поводу того, как обеспечить макродинамику, о которой идет речь, и как добиться ее высокого, подлинно модернизационного качества, гармонизировать «рост» и «развитие».

Между тем спустя всего лишь два месяца после утверждения документа Минэкономразвития России сообщает: в 2014 — 2016 гг. среднегодовой темп прироста ВВП составит лишь 3,6%. А в упомянутых выше двух осенних прогнозах впервые за все время составления такого рода документов в качестве базовых представлены так называемые консервативные сценарии (см. табл.). В соответствии с ними, а также с уточнениями в сторону дальнейшего понижения темпов в 2013 и 2014 гг., сделанными министерством в последние дни прошлого года, в 2013 — 2018 гг. среднегодовой прирост ВВП должен составить вместо минимальных пяти всего 2,9%. Это означало бы попадание экономики за ту «красную черту», за которой, как отмечено в тех же в «Основных направлениях...», начинается «разбалансировка экономических и социальных составляющих развития страны», а проще говоря, сползание к полномасштабному кризису.

**Прогноз динамики ВВП РФ до 2030 г., среднегодовые темпы прироста по периодам, %**

Сценарии	2011-2015	2016-2020	2021-2025	2026-2030	2013-2030
Форсированный	4,3	7,1	5,4	3,9	5,3
Умеренно-оптимистичный	3,2	4,3	3,6	3,1	3,5
Консервативный	3,1	3,1	2,5	1,8	2,5

*Источники:* данные названных выше прогнозных документов Минэкономразвития России (до 2016 и до 2013 гг.).

Прогнозируемое снижение темпов экономического роста неизбежно повлекло пересмотр в сторону снижения и планирующихся будущих доходов бюджета страны. В результате в ходе разработки бюджетной трехлетки-2014—2016 (а бюджетное планирование, как известно, базируется на макропрогнозировании) сокращены расходы федерального бюджета на развитие инфраструктуры, науки, образования и здравоохранения<sup>4</sup>. Невозможно допустить, что составители прогноза, будучи профессионалами, не представляют, как это скажется в долгосрочном плане на соци-

<sup>3</sup> <http://government.ru/info/761>.

<sup>4</sup> **От редакции.** На страницах «Российского экономического журнала» уже отмечались соответствующие «яркие особенности» этой трехлетки (дополнительные к таким характерным для российской бюджетной политики истекших 13 лет чертам, как лукавость макропрогнозных предпосылок касательно динамики мировой цены на нефть, инфляции, курса рубля и ВВП, следование «философии кубышки», непрозрачность, «дефицит и профицит в одном флаконе», а также отвлечение гигантских ресурсов на «амбициозные» саммито-универсиадо-олимпиадные пиар-проекты, не секрет, весьма «распиломкие») — *значительные расходные рестрикции* [применительно к первому году трехлетки параметры сокращения зафиксированы в публикации: Дмитриева О., Грачев И., Петухова Н., Ушаков Д., Швец П. Пояснительная записка к проекту Альтернативного феде-

ально-экономическом развитии страны, особенно учитывая нынешнее состояние сфер, предложенных к «оптимизации» (в в смысле снижения госфинансирования).

Судя по всему, экономические власти по существу смирились со сложившейся ситуацией. Иначе чем объяснить, что вместо поиска путей перелома складывающегося негативного тренда принятый вариант прогноза «предполагает сохранение инерционных трендов, консервативной инвестиционной политики частных компаний и их относительно низкой конкурентоспособности как на внутреннем, так и на внешних рынках, ограниченные расходы на развитие компаний инфраструктурного сектора»<sup>5</sup>? Будучи в этой части последовательными, авторы прогноза исходят из того, что до 2016 г. не произойдет структурных преобразований, опирающихся на значительное повышение нормы накопления частного капитала, что в текущем и будущем годах исключаются и масштабный чистый приток частного иностранного капитала, и смягчение денежной политики в целях обеспечения высоких темпов роста инвестиционного и потребительского кредита (при сокращении нормы сбережения домашних хозяйств), и резкое расширение государственного спроса, и модификация действующих бюджетных правил, — хотя, согласно собственному признанию прогнозистов, все это требуется для обеспечения выхода на целевые рубежи народнохозяйственного развития, утвержденные на высшем политическом уровне (в президентском указе № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике» от 7 мая 2012 г.)<sup>6</sup>.

Это неверие в возможность переломить существующий негативный тренд в полной мере перенесено и в долгосрочный прогноз (до 2030 г.), причем отмечается, что обновленный вариант «несколько уступает... показателям консервативного варианта прогноза от марта 2013 года», что связано «с более консервативными гипотезами о повышении конкурентоспособности отечественных предприятий, государственных и частных инвестиций в развитие инфраструктуры, науки и человеческого капитала»<sup>7</sup>. В результате на всем протяжении рассматриваемого периода, согласно базовому сценарию, среднегодовые темпы прироста ВВП последовательно снижаются до 2,5% в 2021 — 2025 гг. и до 1,8% в 2026 — 2030 гг. При этом все это время они оказываются ниже прогнозируемых темпов роста мировой

рального бюджета на 2014 год. — 2013. — № 6 (раздел 1 «Оценка проекта федерального бюджета на 2014 год, представленного Правительством РФ») и (впервые в постсоветской истории после 1997-го «преддефолтного» года!) *секвестр* (см. раздел 1 «Секвестр как реакция на «бюджетную недостаточность» — рецидив идеологии «Вашингтонского консенсуса?» статьи Ю.А. Петрова «К формированию новой экономической модели: рестрикция бюджетных расходов или повышение собираемости налогов?» в № 4 за 2013 г.). Запланированная в настоящий номер статья, специально посвященная этим особенностям (и упорно игнорируемой федеральными властями альтернативе рестрикциям, связанной с реализацией имеющихся огромных резервов повышения доходов) переносится в следующий номер.

<sup>5</sup> [http://de.gov.yanao.ru/doc/soc\\_eco/scenusl/scen\\_m\\_2014-2016.pdf](http://de.gov.yanao.ru/doc/soc_eco/scenusl/scen_m_2014-2016.pdf).

<sup>6</sup> От редакции. Об этих рубежах, воспроизводящих некоторые прогнозные позиции подзабытой ныне «Концепции социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года», утвержденной федеральным правительством в ноябре 2008 г. в самый канун «российской проекции» глобального финансово-экономического кризиса), см.: Глазьев С. Снова к альтернативной системе мер государственной политики модернизации и развития отечественной экономики (предложения на 2013—2014 гг.) // Российский экономический журнал. — 2013. — № 3 (раздел 1 «Предварительные замечания»).

<sup>7</sup> <http://government.ru/media/fdes/41d457592e04b76338b7.pdf>.

экономики. Как следствие, доля РФ в общемировом ВВП падает с 4,0 в 2012 г. до 3,4% в 2030 г. Сохранит ли Россия при реализации такого сценария свое место в клубе стран с быстро развивающимися рынками и каким вообще окажется ее место на политико-экономической карте мира? Будучи принятым, этот сценарий динамики российской экономики вполне может войти в исторические повествования в качестве предвидения неизбежности ее необратимой уже стагнации со всеми вытекающими отсюда социальными и геополитическими последствиями для страны (излишне распространяться о том, что подобный сценарий повлияет на предпринимательскую активность частного сектора, усугубляя тем самым негативные тренды). Но, может быть, прогнозы Минэкономразвития России все-таки отражают ту самую объективную реальность, которая сильнее всех желаемых оптимистических вариантов?

Следует, кстати, заметить, что пятипроцентный среднегодовой прирост не является чем-то необычным и несбыточным. После кризиса 1990-х годов в «восстановительный» период 1999 — 2008 гг. среднегодовой прирост ВВП составлял 6,9%, причем даже в 2008 г. (хотя в его последнем квартале страну, как известно, «достал» мировой кризис) — 5,6%. Правда, если высокие постдефолтные (докризисные) темпы, согласно многократному признанию самого Минэкономразвития России, минимум наполовину обеспечивались исключительно благоприятной внешне-экономической конъюнктурой (высокими ценами на международных рынках товаров, составляющих основу российского — энергосырьевого экспорта), то сегодня этот ресурс исчерпан. Так что «драйвером» дальнейшего экономического роста могут быть лишь внутренние источники, и прежде всего (с учетом сложившегося долгосрочного тренда сокращения трудовых ресурсов) — связанные с повышением производительности труда. Однако базовый вариант прогноза до 2030 г. предусматривает как раз снижение среднегодовых темпов прироста данного показателя: с 3,8% в 2010 - 2013 гг. до 3,6 в 2014 - 2020 гг. и до 2,1% в 2026 - 2030 гг. И это — при нашем нынешнем двух—трехкратном отставании от стран-лидеров современного мира!

Столь пессимистические оценки будущего выглядят, впрочем, вполне резонными, если исходить из того, что авторы новейших прогнозов смирились с тем, что официально провозглашаемые на протяжении минимум последних 10 лет цели модернизации российской экономики нереализуемы. Действительно, согласно приводимым Минэкономразвития России данным, ныне около 80% технологического оборудования в реальном секторе экономики имеет срок службы 16—35 лет, а в машиностроении более половины оборудования работает уже свыше 25 лет. Ясно, что на такой материально-технической основе пытаться поднимать производительность труда и производить конкурентоспособную продукцию — пустое дело. И, казалось бы, понятно: в подобных обстоятельствах необходима ускоренная модернизация технологической базы народного хозяйства, что, конечно, требует наращивания инвестиций в реальный сектор. Однако в предложенном базовом варианте прогнозируется «затухание» темпов инвестирования в основной капитал. Похоже, понимая последствия данного варианта, авторы прогноза до 2016 г. оговариваются: «Существует риск, что предполагаемые параметры роста производительности не будут выполнены», и потому «вероятность более сильного замедления экономической динамики (на 0,2 — 0,3 п. п.) превосходит вероятность того, что рост будет сильнее, чем в базовом

варианте прогноза»<sup>8</sup>. Но можно ведь поставить вопрос и иначе: в чем причина того, что, несмотря на все усилия, направляемые на модернизацию материально-технической базы производства, они не дают сколько-нибудь значимых результатов? Как ни странно, внятный ответ обнаруживается в документах самого Минэкономразвития России.

В разработанном им в 2011 г. «Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2012 год и на плановый период 2013 и 2014 годов» было записано следующее: «Развитие российской экономики в период реформ показывает, что либеральные, чисто рыночные механизмы не приводят к быстрому развитию высокотехнологичных производств. Такое положение требует активизации государственного вмешательства в экономику страны и проведения комплексной политики модернизации»<sup>9</sup>. В госпрограмме «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» подчеркивается, что еще «в начале 2000-х годов стало очевидно, что без участия государства в решении ключевых задач инфраструктурного, инвестиционного и инновационного характера промышленность не сможет выйти на необходимый уровень конкурентоспособности» и потому «необходимо выработать государственную промышленную политику, определяющую национальные цели и приоритеты в сфере промышленности, сформировать стратегии развития отраслей промышленности и инструменты их реализации»<sup>10</sup>. Да и в самом прогнозе до 2016 г. указывается, что условием его осуществимости в отношении роста производительности труда является «реализация государственных программ и программ инновационного развития компаний с государственным участием».

Между тем на практике на протяжении всего периода экономического роста 2000-х годов проводилась прямо противоположная политика, ведущая свою родословную от идеологических постулатов «лихих 1990-х», опирающаяся на иллюзии безоговорочной благотворности механизмов саморегулирования и предполагающая демонизацию любой государственной экономической активности. Неизбежным следствием такого подхода стало использование методов «ручного управления», что пусть и позволяет решать какие-то частные задачи, но в принципе не способно перевести экономику в режим сбалансированного устойчивого развития. Хуже того, одним из естественных результатов «ручного управления» становится избыточное присутствие государства в тех сферах экономики, где оно должно быть сведено к минимуму, при дефиците госучастия там, где это действительно необходимо. В общем-то, вся наша экономика вынуждена существовать в явно парадоксальной, если не сказать шизофренической, среде: государство систематически вмешивается туда, куда не надо (бюрократически угнетая частный бизнес), и игнорирует общественные задачи, решать которые может лишь и только оно: стратегическое планирование, структурные преобразования и приоритеты диверсификации, социальное выравнивание, активная масштабная поддержка науки, образования, здравоохранения и культуры. Причем у нас совсем нет времени дожидаться приемлемого качества государственных институтов, отодвигая решение перечисленных задач «на потом»: риск окончательно-бесповоротного вползания страны в технологическое захолустье запредельно высок».

<sup>8</sup> [http://www.consultant.ru/document/cons\\_doc\\_LAW\\_152459/?frame=2](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_152459/?frame=2).

<sup>9</sup> <http://base.garant.ru/12190489>.

<sup>10</sup> <http://forum.metrob.ru/viewtopic.php?f=40&t=1692>.

<sup>11</sup> От **редакции**. Несколько лет назад один из наших авторов предложил развернутую контраргументацию подхода «корифеев» изготовления радикально-либералистских прогнозов к модерни-

Поэтому авторы настоящей статьи убеждены: единственное, что способно переломить складывающиеся негативные тренды, — осуществление крупномасштабных проектов модернизации инфраструктурной и технологической базы народного хозяйства, причем при наличных внутренних и геополитических временных ограничениях соответствующий инвестиционный маневр должен быть осуществлен в кратчайшие сроки.

Такой крупномасштабный и динамичный инвестиционный маневр усилен, конечно, только государству. Отечественный и мировой опыт показывает, что именно государственные инвестиционные проекты задавали начальный импульс всех грандиозных модернизаций. В этой связи, кстати заметить, вновь официально оглашенная идея касательно подъема Сибири и Дальнего Востока как национального приоритета на все XXI столетие в самом деле может стать важным фактором задания вектора быстрого, устойчивого и высококачественного экономического роста.

Однако, чтобы такая политика стала реальностью, необходимо выполнение минимум трех базовых условий. *Первое* — отказ от демонизации роли государства в экономике. Необходимо, наконец, раз навсегда признать, что дискуссии об уместности или неуместности государственных инвестиционных проектов лежат за пределами современной научной экономической мысли, и прекратить в этой связи запугивать самих себя госкапитализмом. В свое время стране дорого обошлась методологически аналогичная демонизация рыночных механизмов, когда объективной необходимости их многоаспектного развития противопоставлялись агрессивные идеологии о несовместимости этих механизмов с сохранением «чистоты» теории социализма. Стоит ли сегодня повторять ту же ошибку с теми же последствиями, апеллируя не к сложившейся экономической реальности, а к невозможности поступиться принципами теперь уже «чистоты» рыночной системы? Дискуссии должны переместиться в сферу оценки экономической эффективности предлагаемых к реализации проектов и способов контроля целевого использования госинвестиций.

*Второе* — радикальное изменение денежно-кредитной политики для финансового обеспечения инвестиционного маневра. Это, разумеется, особый сюжет, требующий специального анализа, и здесь стоит лишь напомнить об одном из уроков кризиса-2009: денежные «подушки безопасности», позволяя в течение определенного времени не допустить «обвала» финансовой системы и социальных показателей, отнюдь не предотвращают обвального падения производства<sup>12</sup>. Именно отсталость

заций, жестко акцентировав, в частности, отмечаемый авторами настоящей статьи фактор времени. См.: Л ю б и н и н А. Какие времена — такие и прогнозы (о докладе Института современного развития «Россия XXI века: образ желаемого завтра») // Российский экономический журнал. — 2010. — № 3 (раздел 5 «К проблеме границ исторического времени на модернизацию России»).

<sup>12</sup> От редакции. Этот «урок», причем опять-таки с упором на и здесь упоминаемый авторами временной фактор («...в течение определенного времени...»), фигурировал на страницах «Российского экономического журнала» и в следующей экспрессивной (но, наш взгляд, особо доходчивой) форме: «Сутью, основным содержанием бюджетной политики государства, насколько можно судить, остается иступленное накопление денег в разного рода фондах и «зачачках», позволяющее уйти от необходимости развивать страну под предлогом накопления «запасов на черный день». Между тем «ежу понятно», что, если «черный день» продлится достаточно долго, любые на него запасы будут исчерпаны и превратятся в «гробовые». Не стоит забывать, что в недавнее (на рубеже 2008—2009 гг.) обострение глобального кризиса Россия за полгода потеряла около четверти триллиона долларов; продлись дестабилизация еще столько же, и экономика рухнула бы, продемонстрировав ухудшен-

перерабатывающих производств не позволила компенсировать начавшийся в 2008 г. обвал внешнего спроса на энергосырьевые товары увеличением внутреннего (как это произошло в Китае, где стимулирование внутреннего спроса увеличило последний в кризисном году почти на 15%, что позволило обеспечить более чем девятипроцентный прирост ВВП)<sup>13</sup>. Сегодня все та же отсталость мощно препятствует ускорению экономического роста.

*Третье.* В силу объективно существующих ограничений государственные проекты могут обеспечить технологические прорывы пусть в очень важных, но все-таки лишь отдельных сегментах национального хозяйства. Государство призвано выполнить исключительно важную миссию — сгенерировать мощный первоначальный инвестиционный импульс модернизации. Непременная же предпосылка ее успешности — активное и широкое участие частнопредпринимательского сектора, который призван «подхватить» и «резонансно развить» этот стартовый импульс, в том числе с помощью механизмов государственно-частного партнерства. Последнее соответственно должно опираться не на сугубо волевые усилия госвласти, а прежде всего на заинтересованность в нем некоей критической массы предпринимательского слоя. Иначе усилия государства в данном направлении либо (в лучшем случае) дадут крайне ограниченные для национальной экономики результаты, либо будут прямо использованы зарубежными конкурентами. К сожалению, искомого рода интереса к ГЧП у российских предпринимателей сегодня, как правило, нет. И дело здесь в том, что главным инструментом конкурентной борьбы для них являются не технологические и организационные модернизационные подвиги, а «крышевание» со стороны обладателей тех или иных «государевых должностей» (данный «топ-секрет» сплошь и рядом раскрывают и предприниматели, и сами высшие должностные лица государства).

Отмеченные негативные обстоятельства весьма серьезны, и в каком-то смысле приобрели системный характер. Но это не значит, что их нельзя преодолеть. Если опускает руки население, это, конечно, плохо. Но куда хуже, когда от решения ключевых проблем уходят властные структуры, подчиняясь произволу текущих событий. Власть обязана сформировать иной — жизненно необходимый стране *оптимистический* — прогноз, амбициозный в смысле незаурядности масштаба прогнозируемых позитивных социально-экономических изменений (а не властного самопиара) и реалистичный в отношении опоры на действительно работающие средства достижения прогнозных ориентиров.

ный «клон» катастрофы-1998. Единственный способ защиты от глобальной депрессии, на грани которой безнадежно балансирует мировая экономика, — вовсе не накопление под пропагандистски камуфлирующими ярлыками разного рода «гробовых записок», а народнохозяйственное развитие; отказ от развития есть гарантия гибели (подобно тому, как в воинском искусстве стратегическая оборона, принимающая самоцелью характер, квалифицируется как гарантирующая поражение). Между тем именно отказ от развития является стержнем современной российской государственной политики» (Делягин М. Бюджетная политика-2012: все та же «философия записки». — 2012. — № 3. — С. 33).

<sup>13</sup> От редакции. Подробно об этом см. следующие публикации «Российского экономического журнала»: Новоселова Л. КНР: инвестиции в преодоление кризиса (о концепции и направлениях реализации китайской антикризисной политики). — 2009. — № 1-2; е е же. Сможет ли Китай стать локомотивом глобального экономического роста? (По поводу достижений и проблем реализации антикризисной политики КНР). — 2010. — № 1.